

стужей, чрезвычайной, конечно же, не назовёшь. Это – наша повседневность, привычная и не громкая.

Я думаю, что существуют точные данные по стране, сколько тысяч и десятков тысяч ежегодно замерзает до смерти, сколько поначалу становятся инвалидами, чтобы окончательно оледенеть в одну из последующих зим. Цифры эти гласности, ясное дело, не предаются, но, думаю, они чудовищны. Ясно и другое, что самолёты на помощь к этим несчастным не вылетают, тёплые вещи и горячее питание не выдаются, палаточные госпитали не разворачиваются.

А ведь если бы выдали нашим бомжам хотя бы по спальнику, их шансы выжить значительно увеличились бы. Не говоря уже о ночлежных домах, которые даже при оплётанном и поруганном самодержавии создавались-таки в нужном количестве для таких вот обездоленных и потерянных людей. А теперь погибайте. Никому до вас дела нет!

О добрых самаритянах

Да что там «МЧС», попробуйте даже в самый лютый холод к этим полутрупам,

околевающим где-нибудь в городском переходе, вызвать хотя бы машину скорой помощи, как приехавшие вас обругают, дескать, не входит в их обязанности и отвлекает от обслуживания нормальных вызовов нормальных людей. Мол, итак машин не хватает. Мол, если такие добрые, оттащите это уже полусмёрзшее тело к себе домой и обогревайте. И будут опять-таки правы. Ибо кто из нас решился бы привести к себе хотя бы одного из этих несчастных без риска быть ограбленным и даже убитым?

И не только в своей квартире, но и в своём тёплом подъезде мало кто позволит им укрыться. Входные двери оборудованы кодовыми замками, и стучитесь не стучитесь – кто из наших человеколюбивых соотечественников откроет? В особенности же те из нас, кто своих высокопородистых собак выгуливает не иначе, как надевая на них тёплые фуфайки.

Но чтобы нищенскую вонь и парашу в своих парадных терпеть – ни-ни! И вообще бомжи никоим образом не вписываются ни в наш благоустроенный быт, ни в громогласные разглагольствования о человеколюбии. И не для того пускали их по миру, не для того присваивали их долю жизненных благ, чтобы они хотя бы

малейшим образом могли нарушить отлаженную гармонию нашего обывательского благополучия.

Впрочем, и теперь не перевелись добрые самаритяне. Лично я был свидетелем того, как некий мужчина средних лет, куда-то спешивший, вызвал по сотовому «скорую помощь», а затем достал из кармана пятисотрублёвую банкноту и передал одному из прохожих, проявивших внимание к обмороженному. Дескать, отдашь медикам, чтобы помогли. Но и, получив свой «гонорар», приехавшие довольно долго ворчали, прежде чем, надев разовые резиновые перчатки, занялись несчастным.

Вот и думается мне, а не лицемерие ли все эти громкие вылеты на самолётах, чтобы спасти на другом конце планеты горстку несчастных, попавших в аварию или пострадавших от природных катаклизмов? Ведь в это же время у нас под носом от нашего беззакония и равнодушия погибают десятки и сотни тысяч наших сограждан. Конечно же, лицемерие. А посему стыд нам всем и позор. ■

В оформлении использованы офорты Рембрандта «Нищая с тыквой» и «Нищий с грелкой» (Ок. 1629 г.)

НАША РЕКЛАМА

«Дорогая Екатерина Павловна...». Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов: «Московский Политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным». / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. Научный редактор Я. Леонтьев. / СПб.: Журнал «ЗВЕЗДА», 2005. – 448 с.

Настоящая книга – не художественное произведение и не историческое исследование, в ней представлены документальные свидетельства недавней истории нашей страны – подлинные письма жертв репрессий. Написаны они наиболее зависимыми членами общества – женщинами и детьми, а также их репрессированными мужьями и отцами, чувствующими ответственность за своих детей и погибающих семьи, и, как правило, бессильными им помочь. Авторы писем, включенных в настоящий сборник, в подавляющем своём большинстве не были борцами за «светлое будущее», но не были и врагами советской власти, их сломанные судьбы были принесены в жертву утопической идее. В сборник также включены некоторые письма тех, кто не мог оставаться равнодушным к бедам ближнего, кого чувства

справедливости и милосердия заставляли ходатайствовать за других, пытаться защитить их перед всемогущим государством.

Адресованы письма Екатерине Павловне Пешковой в организацию, которая называлась «Помощь политическим заключенным». Об этой организации также рассказывается в этой книге. Книга предназначена для широкого круга читателей, всех тех, кому не безразлично наше недавнее прошлое, тем более – настоящее.

Дорогая Екатерина Павловна
 У.П. в плоть до рожтрела, прошу
 вас на коленах со слезами
 спасите папону спасите его
 оговорили. Я клянусь вам, что
 я всю свою жизнь буду работать
 и трудиться для социализма
 и папона мои ему 55 лет тогда
 отдаст все свои последние
 силы.
 Меня Машенька

Учёный и время

Заметки о книге Г. И. Абелева
«Очерки научной жизни»

В наши дни стали редкостью правдивые истории со счастливым концом. Поэтому так легко и приятно читать автобиографическую книгу Г. И. Абелева. Это книга написана хорошим человеком, талантливым учёным, сумевшим в трудные времена реализовать свой научный и человеческий потенциал и получившим заслуженную награду – всеобщее уважение, симпатию друзей и помощников. Человеком, благодаря трудам которого множество людей в разных странах мира спасены от смертельной болезни.

Название книги имеет двоякий смысл: это рассказ о жизни учёного и в то же время – рассказ о жизни науки, – о её целях и принципах самоорганизации, о её неписаных правилах и внутренних проблемах, об этике науки, о взаимоотношениях науки с окружающим обществом. Читая книгу, убеждаешься в многогранности таланта автора. Он не только блестящий исследователь иммунохимии рака, но и вдумчивый аналитик коренных вопросов науковедения, а также талантливый рассказчик и публицист, имеющий свою точку зрения на ряд общественных проблем.

Насколько интересно читать такую книгу, настолько же трудно о ней писать, поскольку для этого требуется адекватная компетентность. Я берусь за эту задачу лишь потому, что на протяжении ряда лет был коллегой и другом автора, свидетелем и участником описанных им событий, собеседником по многим проблемам, затронутым в книге. В своих заметках я не буду касаться специальных вопросов иммунохимии рака – они за пределами моей компетенции.

Этика и наука

Идейной сердцевиной книги, по моему мнению, является глава «Этика – цемент науки» (стр. 236–246), написанная в соавторстве с Э. А. Абелевой и опубликованная в 1985 г. в виде отдельной статьи. Пользуюсь случаем отдать дань глубокого уважения памяти Эльфриды Адольфовны – человека несгибаемой воли и мужества.

Лев Фонталин

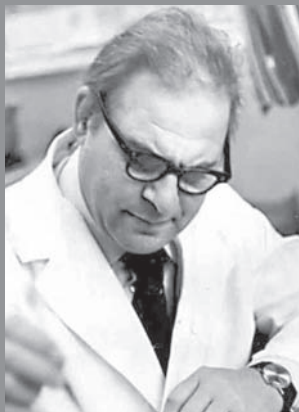
Авторы главы рассматривают науку как самоорганизующуюся систему, обеспечивающую достоверность новой информации, её хранение и распространение, а также концентрацию усилий научного сообщества на разработке наиболее перспективных направлений работы при сохранении свободного поиска других путей. Всё это происходит как бы в автоматическом режиме, без каких-либо проверочных комиссий или специальных организационных мероприятий. Недобросовестность карается потерей репутации, что влечёт за собой «научную смерть» данного работника. Инструментами самоорганизации науки является её полицентричность (множественность не зависящих друг от друга научных центров и журналов), «цикличность» (проверка нового факта другими исследователями как следствие их желания принять участие в разработке заманчивой «золотой жилы») и «стимуляция лучшего» (расширение фронта исследований и их усилен-

ное финансирование). Всё это интересно и правильно. Неясно только: в чём здесь заключается цементирующая роль этики?

Достаточна ли описанная авторами система самоорганизации науки для её развития? К сожалению, нет. Существует такая «проза жизни», как финансирование науки. Наука неуклонно «дорожает». Лишь немногие страны могут себе позволить финансирование астрофизики, физики элементарных частиц, космических исследований. В этих областях «полицентричность» науки становится всё более ограниченной. Для решения некоторых важных, но дорогостоящих задач фундаментальной науки (расшифровка генома человека, исследование планет Солнечной системы и т. п.) потребовалось государственное планирование, целевое финансирование и координация деятельности отдельных групп учёных. Как это ни печально, похоже, что автономность науки как самоорганизующейся системы становится всё более относительной.

В предлагаемой авторами схеме самоорганизации науки нельзя не заметить некоторую идеализацию реального положения дел. Нередки случаи недобросовестного цитирования, когда автор излагает какой-либо метод или новый подход к проблеме как свою личную находку, без упоминания имени предшественников. Мой личный опыт и опыт некоторых моих друзей показывает, что даже печатно уличив такого автора в плагиате, мы вовсе не всегда добиваемся восстановления истины, а уж тем более – «научной смер-

Г. И. Абелев
ОЧЕРКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Научный мир

Книга в интернете:
<http://garriabelev.narod.ru>

ти» плагиатора. Если же открытие совершено почти одновременно двумя научными «тяжеловесами», то спор о приоритете приобретает прямо-таки скандальный характер. Бедная этика!

Распространение новой научной информации также отнюдь не столь автоматически, как в идеализированной схеме Э. А. Абелевой и Г. И. Абелева. Представляемые в научный журнал работы проходят через «сито» рецензий, особенно – в престижных (потому-то они и престижные!). Но у всякого рецензента – своё, достаточно субъективное мнение о ценности той или иной работы. Особенно настороженное отношение вызывают работы, выполненные малоизвестным автором в малоизвестной лаборатории, а также работы, использующие непривычные для рецензента экспериментальные модели или методы. Поэтому нередки случаи отклонения престижными журналами новаторских статей, написанных малоизвестными авторами. В малопрестижных или узко специализированных журналах отбор менее строг, но опубликованные в них работы рискуют остаться незамеченными научным сообществом. Классический пример – работы основоположника генетики Грегора Менделя, случайно обнаруженные в провинциальном научном журнале двадцатилетней давности. А сколько подобных работ кануло в Лету – ты, Господи, веши! Новичку, не имеющему за спиной влиятельного в научном мире шефа, чтобы «пробить» публикацию своей работы в престижном журнале, нужно обладать настырным или даже «стервозным» характером. Бедная этика! А ведь есть ещё конкуренция научных школ, борьба за «гранты» и т. п.

Таким образом, трудно ответить однозначно на вопрос, является ли этика «цементом» науки. Несомненно, однако, что высоко этична основа науки – поиск Истины. В одном из древнейших этических кодексов сказано: «Не лжесвидетельствуй!». И любой научный труд – это последовательное отклонение ложных объяснений какого-либо явления, события, факта ради единственно верного объяснения. В отличие от повседневной жизни, наука не знает и не терпит компромиссов между истиной и ложью. В этом заключается высокое воспитательное значение науки, именно здесь – источник того чувства собственного достоинства, которое Г. И. Абелев справедливо считает одним из основных качеств истинного учёного (стр. 247–257). Нетерпимость ко лжи, свобода от всяческих догм, критическое мышление, ответственность за собственные поступки и публичные высказывания, добросовест-

ность, привычка трезво оценивать аргументы оппонента – все эти качества, воспитанные научной работой, делают учёного истинным гражданином своей страны, потенциальным противником тоталитаризма и мракобесия. Неслучайно поэтому широкое распространение диссидентских взглядов среди учёных в советское время.

Будучи более независимым внутренне, учёный более зависим в своей рабо-

лее преступны они были в моральном плане. Разработкой такого оружия занимались многие лаборатории, специальные «закрытые» институты и даже целые научно-производственные городки. В книге Г. И. Абелева этой теме посвящено всего несколько строк (стр. 326–327), из которых мы узнаём, что бывшие участники этих преступных разработок вместо позорного клейма ныне получают преимущественное финансирование. С горе-

...Высоко этична основа науки – поиск Истины... И любой научный труд – это последовательное отклонение ложных объяснений какого-либо явления, события, факта ради единственно верного объяснения. В отличие от повседневной жизни, наука не знает и не терпит компромиссов между истиной и ложью. В этом заключается высокое воспитательное значение науки, именно здесь – источник того чувства собственного достоинства, которое Г. И. Абелев справедливо считает одним из основных качеств истинного учёного.

те от начальства, от источников финансирования, чем рядовой гражданин. Причина – личная заинтересованность учёного в результатах своей работы. Для дирекции его работа – одна из многих, для него – смысл жизни. Другая причина особой зависимости учёного – крайне узкий рынок труда. Учитель, не поладивший с директором, может перейти в соседнюю школу, где будет заниматься тем же делом. Для учёного же выбор институтов, где он может работать по своей теме, крайне ограничен, и вакансий в них может не быть. И вот бедный учёный вынужден спрятать в карман чувство собственного достоинства и пойти на поклон к хаму-директору, чтобы приобрести необходимый прибор или выпросить лабораторную ставку. А потом послушно голосует на учёном совете так, как велит директор, вопреки своей научной и человеческой совести.

Постоянные колебания между диссидентством и конформизмом – таков был удел советского учёного.

Рассматривая этические проблемы науки, нельзя обойти молчанием самую позорную страницу в истории советской науки – участие советских учёных в работах по созданию химического и бактериологического оружия. Подобные работы преступны даже в юридическом плане, поскольку советское правительство подписало международную конвенцию, запрещающую эти виды оружия. Тем бо-

чью приходится констатировать, что моральное самоочищение российской науки от преступлений советского периода так до сих пор и не состоялось.

Учёные и советская власть

В основном книга Г. И. Абелева охватывает период так называемого «застоя» (1968–1987 гг.), но частично касается и последних лет сталинщины (1948–1953 гг.). Между этими периодами есть существенная разница в отношении власти к науке. В 30-е – 50-е годы от учёных требовали, чтобы в их трудах на любую тему так или иначе отражалась коммунистическая идеология, официальный лозунг гласил: «Наука должна быть партийной!». Ретивые партийные критики выискивали действительные или мнимые «отклонения от диалектического материализма». В диссертациях считалось обязательным ссылаться на классиков марксизма-ленинизма, независимо от содержания работы. Целые научные дисциплины (генетика, кибернетика) объявлялись «буржуазными лженауками», пропагандировались антинаучные, но «идеологически правильные» теории (лысенковская «мичуринская биология», «происхождение клеток из живого вещества» и т. п.) К концу сталинского периода к этому ароматному букету добавились шовинистические мотивы. Спешно переписывалась

история науки, к обвинениям в «идеализме» добавились обвинения в «космополитизме» или в «сионизме». За обвинениями следовали репрессии: увольнение, тюрьма, лагерь.

Устоять против этого урагана лжи и насилия было почти невозможно. Многие капитулировали, отреклись от своих убеждений и присоединились к хору лжецов (перечитайте знаменитый стенографический отчёт сессии ВАСХНИЛ 1948 г.). Другие, послушно повторяя навязанную «сверху» риторику, в своей повседневной научной работе старались сохранять честность и независимость от партийных догм. Третьи уходили в иные специальности, ещё не затронутые идеологическим шквалом. И были герои, осмелившиеся протестовать. Широко известно имя генетика И. А. Рапопорта, выступившего с протестом на упомянутой сессии ВАСХНИЛ. Менее известно имя профессора МГУ Д. А. Сабинина, не смирившегося с разгромом генетики и уволенного за это с работы. Директор института общей био-

Дмитрий Анатольевич Сабинин

логии АМН СССР проф. А. Г. Гурвич, чьи взгляды на наследственность сильно расходились с положениями классической генетики, тем не менее, подал в отставку в знак протеста против решений ВАСХНИЛ, лично одобренных Сталиным. Случай уникальный!

Эти имена следует вспоминать вновь и вновь. Для нас, начинающих учёных, они были примером мужества в отстаивании Истины.

В 60-е – 70-е годы отношение власти к науке изменилось. Практические успехи зарубежных кибернетиков и генетиков показали, насколько неразумно резать курицу, несущую золотые яйца. Естественным (но не гуманитарным) наукам

было предоставлено сравнительно больше свободы, однако осталась маниакальная подозрительность к контактам с иностранцами. Описанию связанных с этим конфликтов посвящены многие страницы книги Г. И. Абелева.

В новых условиях изменились этические проблемы советских учёных. Поиску научной истины (в естественных науках) больше не препятствовали идеологические рогатки. Зато во весь рост встала проблема использования тоталитарным режимом результатов научного поиска. По выражению проф. А. Е. Гурвича (однофамильца А. Г. Гурвича), приведённому Г. И. Абелевым на стр. 277, «мы все работаем на дьявола». Действительно, режим извлекал из научных исследований двойную выгоду: пропагандистскую («успехи советской науки») и практическую (усиление военного потенциала и укрепление собственного господства). Но научная деятельность имела и другие результаты: она способствовала сохранению здоровья людей, препятствовала всеобщему одичанию, воспитывала уважительное отношение к человеческой мысли, а публикация результатов исследования в открытой печати делала их достоянием мировой науки. Эту точку зрения отстаивал автор книги (стр. 277).

Следует согласиться с автором, что строгого формального решения эта проблема не имеет. Но есть эмпирическое, компромиссное решение: минимизировать использование учёного режимом и максимизировать отдачу для гуманитарных целей и для мировой науки. Практически это означало в первую очередь отказ от участия в «закрытых» темах, даже в тех случаях, когда предлагаемая тема подразумевала усовершенствование не наступательного, а оборонительного оружия, например – использование новых сорбентов в противогазах (легко заметить, что это «оборонительное» оружие может быть использовано и в наступательных целях). Нелёгкое решение, поскольку «закрытые» темы хорошо финансировались, под них давали рабочие ставки, импортное оборудование, дополнительные помещения. Многие не выдерживали искушения («всё равно, дескать, работаем на дьявола»).

Для ознакомления мировой научной общестности с результатами работы существуют три способа: публикации в иностранной периодике, участие в международных конференциях и личные контакты. На всех этих путях стояли многочисленные рогатки. Для публикации работы за границей требовалось сначала напечатать её в отечественных изданиях и провести через многочисленные согла-

шения. Это оттягивало выход работы на международное обозрение на многие месяцы. Ещё хуже обстояло дело с зарубежными поездками. Весьма частым условием для них было согласие сотрудничать с КГБ, то есть давать информацию о советских и зарубежных коллегах. Отказчики становились «невъездными» (в книге Г. И. Абелева приведены примеры).

Вербовкой занималась и другая, главенствующая в стране организация – КПСС. Членство в партии делало учёного более послушным «винтиком» в системе, его можно было заставить «в порядке партийной дисциплины» совершать поступки, противоречащие его научной и человеческой совести. С другой стороны, членство в КПСС давало несомненные преимущества для карьеры, включая сюда и более широкие возможности для научной работы. Поэтому вопрос о вступлении в КПСС был серьёзной этической проблемой. Некоторые учёные, вступая в партию, оправдывали своё решение тем, что такое членство даёт им, якобы, возможность влиять на решения, важные для развития науки. Разумеется, при отсутствии внутривнутрипартийной демократии подобные надежды были совершенно иллюзорны и чаще всего маскировали истинный мотив личной карьеры.

Уклониться от вербовки обеими упомянутыми организациями было делом нелёгким, поскольку нельзя было сослаться на истинный мотив своего несогласия. Интересный способ применить одна студентка, моя сокурсница. Она заявила вербовщику из КГБ, что с радостью будет сотрудничать, но, как послушная дочка, должна сначала посоветоваться с мамой. Вербовщику ничего не оставалось, как обратить своё предложение в шутку. Поделюсь и личным опытом. Когда в середине 60-х гг. мне предложили вступить в партию, я ответил, что был бы рад, да вот никак не могу согласиться с тем пунктом в программе КПСС, который требует развивать «михуринскую биологию». В иное время подобное высказывание обошлось бы мне очень дорого, но в тот момент лысенковщину уже щипали со всех сторон. В программе партии, однако, этот пункт ещё был, и для члена партбюро было немисливо посоветовать мне не обращать на него внимания. В итоге меня оставили в покое. Позволю себе сделать обобщение: когда против тебя действуют профессионалы (а вербовщики из КГБ или КПСС, равно как и директора, всегда профессионалы «работы с людьми»), надо применять неожиданные, нестандартные приёмы, ставящие их в тупик. Это правило я с успехом применил, сорвав описанное в книге

Г. И. Абелева антисемитское шоу на учёном совете в Институте им. Н. Ф. Гамалеи (стр. 138–139).

Последние 10 лет я полагал, что преступления КГБ меня уже не удивить. Книга Г. И. Абелева показала, что я ошибался. Потрясает история о вербовке сотрудника КГБ четырнадцатилетнего мальчика, ученика 7-го класса (стр. 110–111). Это преступление сродни изнасилованию несовершеннолетних. Хотелось бы надеяться, что подобных вещей ныне уже не бывает, но кто знает?! Родители, берегите своих детей от духовных насильников в штатском! И поблагодарим автора книги за то, что он решился рассказать эту тяжёлую и горькую правду.

В целом, советский учёный стоял перед дилеммой. Он мог вступить в партию, стать осведомителем КГБ, участвовать в разработке запрещённых видов оружия, но зато получал хорошо оборудованную лабораторию с многочисленными сотрудниками, почёт и многие личные блага. Либо он мог, отказавшись от всего этого, работать один или с немногими помощниками на устаревшем оборудовании, в условиях недостатка информации и с заведомо худшими шансами ознакомить научную общественность с результатами своей работы. И даже в этом случае он не мог считать себя морально безупречным, поскольку, как и все советские люди, был вынужден принимать участие во всевозможных пропагандистских кампаниях (договоры о «социалистическом соревновании», агиткампании на «выборах» в Советы депутатов, выпуск стенгазеты, профсоюзные собрания, политкружки и так называемые «философские семинары» и т. п.). Более того, за всю эту «общественную работу» он был обязан ежегодно отчитываться... Проповедовать «жизнь не по лжи» легко, обитая в Вермонте.

Мы рассматривали трудности морального выбора, стоявшие перед истинными учёными, то есть людьми, для которых поиск научной истины является главной целью жизни. Но существовала ведь ещё и огромная масса «псевдоучёных» – людей, для которых научная работа – всего лишь средство для достижения личных целей. Для этих людей морального выбора не существовало, они охотно шли на любые мерзости, продиктованные властью. И, разумеется, было много промежуточных ступеней, когда интерес к науке в разнообразных пропорциях сочетался с иными жизненными целями. Были люди, истинно преданные науке, но сущие деспоты по отношению к подчинённым. Были отъявленные мерзавцы в личном плане, но талантливые и профес-

сионально честные учёные. Были бесталанные трудяги и были гениальные верхогляды. Были фанатики какой-либо идеи (чаще всего неверной, но кто знает?!), готовые ради её проверки продать черту душу. В какую схему можно втиснуть разнообразный мир людей науки?!

Г. И. Абелев отважился предложить такую схему. По его мнению (стр. 274–299), наука, наподобие литературы, раскололась в период «застоя» на официальную, управляемую властью, и на «альтернативную» – свободную, живущую по своим собственным законам. Эти две науки образуют якобы две несмешивающихся среды. Представителям официальной науки присущи командный стиль руководства, грубость, карьеризм, стремление эксплуатировать подчинённых, приближенность к властным структурам. В отличие от этих «козлиц», представители «альтернативной науки» – сплошь «агнцы божьи»: все они якобы демократичны, дружелюбны, уважительно относятся друг к другу. Главный орган самоуправления альтернативной науки – неформальные семинары, творческое общение.

В указанной схеме автора многое, на мой взгляд, не выдерживает критики. Неверна аналогия с «самиздатом»: «самиздатские» авторы публиковали свои произведения подпольно или за границей и получали за них от властей только тюремные сроки; «альтернативные» учёные, напротив, публиковали свои работы вполне подцензурно и получали за свою деятельность государственную зарплату. Так же иллюзорна и «несмешиваемость двух сред»: и «официальные» и «альтернативные» учёные заседали бок о бок в одних и тех же учёных советах и в редколлегиях научных журналов, получали зарплату в одних и тех же кассах, так же писали научные планы и отчёты, о деятельности и тех, и других одинаково портовали как о «подвигах советской науки», они так же получали Государственные премии. Так что «альтернативная наука» фактически была встроена в систему официальной науки и именно поэтому терпелась властью.

Достаточно схематична и та характеристика, которую автор книги даёт представителям официальной и альтернативной науки: я знавал и очень вежливых «официальных учёных», и хамов-альтернативщиков. Те особенности поведения «альтернативных учёных», которые приводит автор книги, скорее характеризуют его самого, чем значительную часть его коллег.

Несмотря на указанные огрехи, в схеме «альтернативной науки» содержится рациональное зерно. Она отражает

стремление истинных учёных к неформальному творческому общению, к взаимной солидарности и взаимопомощи, к свободной дискуссии. Значительную роль в развитии и поддержании творческой активности в эпоху «застоя» играли, как правильно отмечает Г. И. Абелев (стр. 287–288), постоянные межлабораторные семинары. Мне довелось участвовать в двух таких семинарах – в «Клубе иммунологов», о котором речь пойдёт позже, и в семинаре И. М. Гельфанда. Основной состав гельфандовского семинара был очень сильным и разносторонне компетентным. Это давало уникальную возможность плодотворно обсуждать важнейшие научные проблемы и договариваться о совместной работе. Большой вред причинял, однако, стиль обсуждения докладов, далёкий не только от «академизма», но и от нормальной научной дискуссии. Удручала дифференцированность отношения к докладу в зависимости от персоналий. После одного особо оскорбительного обсуждения, жертвой которого стал С. Бляхер, я прекратил своё участие в гельфандовском семинаре. Сказанное выше никак не умаляет нашего уважения к личности И. М. Гельфанда как выдающегося ученого и общественного деятеля. Оно лишь относится к некоторым негативным явлениям, наблюдавшимся в т. н. «альтернативной науке». Увы, вопреки утверждениям автора книги, её представители далеко не всегда и далеко не все проявляли демократическое и уважительное отношение друг к другу. «Век – волкодав» и на них (нас) поставил свою каинову печать.

В книге Г. И. Абелева много имён советских учёных. Их характеристики в основном верны, хотя иногда неоправданно «поляризованы». Так, например, идеализирована неоднозначная, на мой взгляд, деятельность Н. Н. Блохина. С другой стороны, директор ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи О. В. Бароян тоже не был столь однозначно «чёрным», как он описан в книге. Действительный «ландшафт» советской науки был не «чёрно-белым», как полагает автор, а скорее «сероватым», с вкраплениями более светлых и более тёмных пятен. На этом фоне ярко выделялись два человека, встреченных мною и автором книги в начале нашего научного пути, – упоминавшийся ранее проф. А. Г. Гурвич и его дочь А. А. Гурвич. Эти люди, в страшные 50-е годы заявлявшие открыто о своей приверженности не к марксистской философии, а к философии Канта, явились к нам из другого мира – мира дореволюционной российской интеллигенции. Они поистине не забыли ничего из вечных нравственных заветов

и не научились ничему дурному. Нашему поколению не было суждено достичь их нравственных высот, но крупницы этого огня всё же удалось сохранить. В книге Г. И. Абелева можно найти немало тому примеров.

**Институт эпидемиологии
и микробиологии
им. Н. Ф. Гамалеи:
арена конфликта науки
с властью**

Взаимоотношения науки и власти в 60-е – 70-е годы удобнее всего изучать на примере судьбы иммунологии в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи. В книге Г. И. Абелева этот вопрос освещён главным образом в связи с судьбой его лаборатории. Однако, лаборатория автора была лишь частью (хотя и очень важной частью) иммунологического комплекса, который сложился в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи.

В конце 50-х – начале 60-х годов в иммунологии произошли революционные изменения: появилась мощная теоретическая база и новые методы исследования, начали бурно развиваться неинфекционная иммунология, иммунохимия, иммуногенетика, клеточная иммунология, исследования аутоиммунных заболеваний и иммунологической толерантности. Это привело к интенсификации иммунологических исследований в отделах ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи, руководимых Л. А. Зильбером, П. Ф. Здродовским, В. Л. Троицким. Особо следует отметить роль Льва Александровича Зильбера, благодаря которому в институт пришло много научной молодёжи.

Дальнейшее развитие иммунологических исследований в ИЭМ им. Гамалеи связано с приходом нового директора О. В. Барояна – бывшего разведчика-резидента, «брошенного на науку». Фигура О. В. Барояна неоднозначна. Талантливый администратор, буквально преобразивший институт, построивший новые корпуса, обновивший научное оборудование, прекрасно разбиравшийся в деловых качествах подчинённых, с чутьём на всё новое в науке – и в то же время самодур восточного типа, всегда державший нос по политическому ветру, нетерпимый к «крамоле». В начале 60-х годов, в эпоху недолгого политического либерализма, проявились лучшие стороны его характера. Поняв важную роль иммунологии в современной медицине, он организовал ряд новых иммунологических лабораторий, подобрав их руководителей по деловым качествам, а не по анкетным данным. Были созданы неплохие условия для их работы: свобода в выборе тематики,

оборудование, лаборантские ставки и т. п. Главное же – был создан орган неформального межлабораторного научно-общения – «Клуб иммунологов».

В работе «Клуба» участвовали иммунологи не только ИЭМ им. Гамалеи, но часто также специалисты из других институтов Москвы, Ленинграда, Обнинска. Доклады обсуждались очень критично, без оглядки на ранг докладчика, но дружески. Номинальным руководителем считался О. В. Бароян (что легитимизировало «Клуб» в глазах вышестоящих инстанций), но ни в выбор докладов, ни в ведение заседаний он никогда не вмешивался. Председательствовали по очереди постоянные члены «Клуба», текущую организационную работу вели я и Е. В. Сидорова, изданием сборников работ «Клуба» руководила И. Я. Учитель. Для подготовки новых научных кадров была проведена в г. Сочи «Школа молодых иммунологов», куда съехались начинающие специалисты со всех концов страны. В последующие годы аналогичные общесоюзные «школы» проводили и в других городах. Так в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи создавался неформальный иммунологический научный центр, чьё интеллектуальное влияние стимулировало развитие исследований во всей стране. Членов этого сообщества связывали не только научные интересы, но и дружеские отношения. Особым уважением пользовались Г. И. Абелев и А. Е. Гурвич, имевшие наибольшие научные достижения.

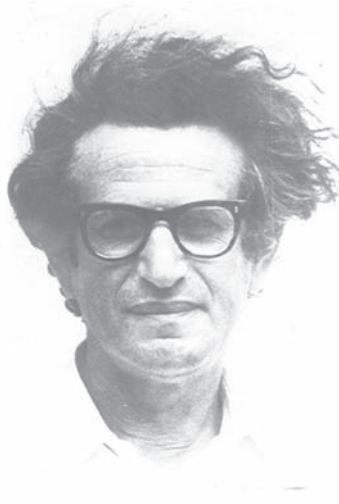
Частичное перепрофилирование института встретило сопротивление части старых сотрудников. Поскольку многие члены «Клуба» были евреями, в райком партии полетели доносы о «сионистском заговоре» и о потворстве сионистам директора-армянина. До поры до времени это не имело последствий. Отдел кадров,

правда, блокировал приём на работу новых сотрудников-евреев, но это, скорее всего, было связано с общей установкой.

В конце 60-х годов политический климат в стране изменился к худшему. Образованная часть общества ответила на это, во-первых, «самиздатом» и диссидентским движением и, во-вторых, учащением попыток выбраться из страны, вновь превращавшейся в огромную «зону». Обе эти тенденции не обошли и ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи. Много происходило втайне: распространение и обсуждение «самиздата», сбор средств в основанный А. И. Солженицыным фонд помощи политзаключённым, передача на Запад писем некоторых учёных-«отказников» и т. п. Но были и открытые поступки, шедшие вразрез с «линией партии». Так научный сотрудник Б. Д. Брондз из лаборатории Г. И. Абелева согласился участвовать в конференции в Праге, созываемой с целью протеста против ввода советских войск. Сотрудник того же отдела В. С. Тер-Григорьев на профсоюзном собрании подал голос против «антисионистской» резолюции. Зав. лабораторией А. Е. Гурвич подписал открытое коллективное письмо в защиту диссидента А. Гинзбурга. И, наконец, научный сотрудник В. А. Бурштейн из лаборатории И. М. Лямперта подал заявление об отъезде в Израиль.

Отношение к этим событиям в нашей среде не было однозначным. Г. И. Абелев как тогда, так и в своей книге умеренно осуждал и участие учёных в политическом диссидентстве, и стремление к отъезду из страны. Я придерживался иного мнения. Участие в диссидентском движении было высоко этическим поступком, поэтому его нельзя осуждать из каких-либо деловых соображений. Ссылки на ущерб, наносимый таким поступком другим лицам (родные, сотрудники, коллеги), означают признание принципа круговой поруки, который нам пытались навязать. С другой стороны, человек, решившийся на открытый конфликт с властью, должен заранее взвесить все возможные последствия, включая и увольнение с работы. «Не уверен – не обгоняй!». Проявленное впоследствии малодушие принесёт глубокий нравственный урон и самому действующему лицу, и окружающим. Таковы, на мой взгляд, уроки «дела Гурвича», детально описанного Д. А. Эльгорт в книге Г. И. Абелева.

Сказанное выше во многом справедливо и в отношении «отъезжантов». Когда страна превращается в «зону», право на бегство из неё – святое право, которое превышает других обязательств. И уж совершенно недопустимо было отговаривать В. С. Бурштейна после того, как он

Арон Евсеевич Гурвич

подал заявление. Хорошо известно, что лиц, совершивших «антисоветский поступок», а потом покаявшихся, позднее нередко увольняли «по-тихому» (в книге приведён такой случай с В. С. Тер-Григорьевым). Как бы себя чувствовал Г. И. Абелев, если бы нечто аналогичное случилось с Бурштейном?

Несмотря на различия в оценке событий, все мы были едины в желании защитить друг друга от вероятных репрессий. А они не заставили себя ждать.

Реакция Барояна была максимально жёсткой. Произшедшие в Институте события в глазах партийного начальства подтверждали версию анонимок о «сионистском заговоре» и о преступном либерализме директора Института. (Излишне говорить, что никто из руководителей лабораторий, как и подавляющее большинство рядовых сотрудников, не были сионистами). К потребности реабилитировать себя в глазах партийного начальства добавилась, я думаю, личная обида Барояна на «чёрную неблагодарность» учёных за всё хорошее, что он для них сделал. (Вспомним, что Г. И. Абелев точно так же винил В. С. Бурштейна, «подставившего» И. М. Лямперт). Гнев Барояна обратился в первую очередь на евреев-руководителей иммунологических лабораторий, а в особенности на «главарей» – Г. И. Абелева и А. Е. Гурвича. И Бароян с присущей ему энергией принялся разрушать всё то лучшее, что с его помощью создавалось в Институте.

Проделки О. В. Барояна, наше сопротивление, поддержка, которую мы получили от научной общественности Москвы, – всё это подробно описано в книге Г. И. Абелева. Однако финал этой истории мы оцениваем по-разному. По мнению автора книги, он одержал моральную победу, спас свою лабораторию и своё достоинство, оставил Барояна «с носом». По моему же мнению мы все вместе потерпели фактическое и моральное поражение. Был ликвидирован отдел – наследие Л. А. Зильбера, где комплексно решались иммунологические и вирусологические проблемы канцерогенеза, отдел, на сохранении которого так настаивал Г. И. Абелев. Урон потерпела и лаборатория самого Абелева, переведённая в другой институт. Ущерб потерпел весь комплекс иммунологических исследований в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи. Но главным был ущерб моральный. Если самый авторитетный из нас, на защиту которого поднялась вся научная общественность, сначала уступил давлению и пошёл на незаконный конкурс, а позднее отбыл в более тихое и безопасное место, то какие шансы у нас, оставшихся, про-

тивостоять директорскому самодурству?! Распалась взаимная спайка, сократилось неформальное научное общение, каждый ушёл в свою раковину. Исчез неформальный научный коллектив «гамалеевских иммунологов». А «свято место пусто не бывает». И возник другой иммунологический центр, интеллектом пожиже, но зато вполне официальный, амбициозный, со строгой табелью о ран-

гатории самостоятельно ведёт какой-то участок работы, предоставляя другим сотрудникам значительную свободу действий. Общих правил здесь нет.

За последнее десятилетие значительно увеличилось число научных работ, выполненных большими научными коллективами из разных лабораторий, часто – в разных странах. Международная кооперация учёных несомненно способ-

[Схема «альтернативной науки»] отражает стремление истинных учёных к неформальному творческому общению, к взаимной солидарности, к свободной дискуссии. Значительную роль в развитии и поддержке творческой активности в эпоху «застоя» играли, как правильно отмечает автор, постоянные межлабораторные семинары.

гах. Он-то и представляет с тех пор советскую, а потом российскую иммунологию.

И в ИЭМ им. Н. Ф. Гамалеи «свято место» тоже заполнилось: усилилась работа по «закрытым» бактериологическим, вирусологическим и эпидемиологическим темам. Нужно было ковать оборону страны! Неудобных же руководителей иммунологических лабораторий О. В. Бароян и его преемники временно терпели, а потом по-тихому сплывали на пенсию. За них уже никто не вступился.

Частные замечания

Отдельная глава книги Г. И. Абелева посвящена научной лаборатории, которую автор считает основной «единицей» организации научной работы. Здесь у автора есть противоречие, поскольку в некоторых других главах он отстаивает преимущества крупных отделов, где легче организовать комплексное исследование сложных проблем, а также противостоять произволу дирекции. В действительности, по моему мнению, здесь нет общего решения. В зависимости от поставленной цели и способов её достижения, равно как и от характера самих учёных, научное исследование может быть делом либо сугубо индивидуальным, либо коллективным. Так и в искусстве: картину пишет один художник, архитектурный проект создаёт коллектив. В принципе научный труд индивидуален, индивидуальна и ответственность. На практике исследование чаще всего ведётся небольшими группами (2-3 человека), члены которых хорошо сработались и доверяют друг другу. Цель исследования иногда определяют они сами, иногда – руководитель лаборатории, в зависимости от их творческого потенциала. Бывает и так, что руководитель лабо-

ратурии самостоятельно ведёт какой-то участок работы, предоставляя другим сотрудникам значительную свободу действий. Общих правил здесь нет.

За последнее десятилетие значительно увеличилось число научных работ, выполненных большими научными коллективами из разных лабораторий, часто – в разных странах. Международная кооперация учёных несомненно способ-

ствует научному прогрессу. Обычной стала ситуация, когда учёный переезжает из страны в страну, работает то в одной, то в другой лаборатории, расширяя тем самым свой научный кругозор и завязывая личные контакты с людьми, работающими по той же тематике. Понятие «отечественная наука» в значительной мере теряет смысл – наука становится международной не только в плане обмена информацией, но и в плане исполнения работ международными научными коллективами. В этой связи следует вспомнить и те «бои», которые выдерживал Г. И. Абелев, отстаивая право на свободные контакты с иностранными учёными. С возросшей «интернационализацией» науки связана и знаменитая проблема «утечки мозгов», которой Г. И. Абелев посвятил специальную главу. Нельзя не согласиться с его выводом: «Главное, конечно, не в том, как относиться к уехавшим и уезжающим, но в том, как способствовать нормальным условиям работы и жизни для тех, кто работает в стране» (с. 324). Думаю, что для решения этой задачи хватило бы и малой доли доходов от продажи российской нефти и газа.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что Г. И. Абелев написал хорошую и нужную книгу. Написал её с точностью учёного и с тем вниманием и неравнодушием к этическим проблемам, которые востребованы во все времена. Эта книга – своего рода исторический документ, сохранивший для будущего тяжкий опыт нашего поколения, его ошибки, заблуждения, разочарования, тяжёлые поражения и скромные победы. Документ, сохранивший память о тех, кого уже нет. За это ему огромная благодарность. ■

«Спорить бессмысленно, но всё же...»

Гарри Абелев

О рецензии Л. Н. Фонталина на книгу «Очерки научной жизни»

Я очень благодарен Л. Н. Фонталину за тщательный анализ моей книги.

У каждого учёного свой взгляд на природу науки, который исключает любой спор на эту тему. Спорить бессмысленно, но всё же...

Как и благодаря чему возникает и удерживается всё здание науки, включая её настоящее и прошлое – которое создаётся без управления и специальных механизмов контроля справедливости и достоверности полученных данных? Без указаний, что и как искать? А результат абсолютно объективный и бесспорный. Участвует ли в этом «акте творения» научной истины что-либо кроме этики? Может быть участвует, но только на границах фундаментальной и прикладной на-

уки, особенно военной. К этому относятся и примеры Л. Н. Фонталина.

Далее об «Альтернативной науке». Каждый, кто работает в науке, знает, где проходит граница между стремлением узнать и ненаучными целями – амбициозными, или созданием видимости успеха. По обе стороны от этой границы находятся официальная и альтернативная науки. Они образуют несмешивающиеся среды и как бы расталкиваются, говоря на разных языках и преследуя различные цели. Хотя творцы той и другой публикуются в одних и тех же журналах и получают зарплату в одних и тех же кассах. Их смешать и «усреднить» невозможно, как невозможно усреднить графоманию и литературу, искусство и псевдоискусство – здесь не требуются жёстких формальных критериев, чтобы различать очевидное.

Так же «учёные» и «научные работники» – это ненавистные мне «руководители и исполнители». Группа или лаборатория – это команда, стремящаяся к общей цели – решению задачи и каждый вовлечённый в этот про-

цесс вносит свой индивидуальный взгляд и умение в решение проблемы. Конкуренция здесь неуместна – путей бесконечное множество и каждый выбирает свой путь. Это в спорте все делают одно и то же, так что возможна даже количественная оценка. В науке этого нет.

И, наконец, критерии этической позиции. Я не рассматривал в этой книге поступков – Н. И. Вавилова, И. А. Рапопорта, Д. А. Сабинина, В. Э. Эфроимсона или В. Я. Александрова. Их позиции однозначны независимо от ситуации, это героические поступки. Здесь же рассмотрены поступки людей в условиях *заданной* социальной и политической жизни – это защита и восстановление генетики – П. А. Капицей, И. Е. Таммом, это открытый провал лысенковца Н. И. Нудина на выборах в АН СССР. Это и создание высоконаучных и демократически ориентированных Института молекулярной биологии АН СССР В. А. Энгельгардтом, Онкологического научного центра АМН СССР Н. Н. Блохиным. ■

НАША РЕКЛАМА

ЦАНН-КАЙ-СИ Фёдор Васильевич
Гуманизм на рубеже веков. Статьи и эссе
по гуманизму. –
Владимир: ВГПУ, 2006. – 286 с.

Книга профессора, доктора философских наук Ф. В. Цанн-кай-си включает статьи и эссе, написанные на рубеже столетий. Сквозная тема, объединяющая эти работы, – гуманизм. Автор книги выясняет онтологические и антропологические основания гуманизма и стремится проследить судьбу гуманистических принципов в наше время.

Предназначена для преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся проблемами теории, истории и практики гуманизма.

